

ЛАПТЕВА О. А.

МЫСЛИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ВИНОГРАДОВА О СОЦИАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРАХ РЕЧИ В СВЯЗИ С ТЕОРИЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Теория литературного языка возникла в русском языкознании как результат нового освоения языкового материала после и на базе достижений русской диалектологии, исторической грамматики, трудов младограмматиков. Эти направления отличало прежде всего предельно внимательное отношение к языковому и речевому факту, поскольку им приходилось иметь дело с речевыми произведениями отдельных носителей языка — крестьянина, писца. В каждом таком произведении в изобилии присутствовали приметы индивидуальных речевых особенностей, индивидуального речевого творчества. При установлении общих закономерностей языкового развития и функционирования эти приметы оставались за скобками, однако само их наличие не могло не отразиться на характере лингвистического мышления.

Чрезвычайно внимательный и чуткий к любой детали языкового и речевого материала, акад. В. В. Виноградов в каждой области своих русистских изысканий всегда останавливался на том, что относилось к «человеческому фактору» в языке. Этим прежде всего поражает разрабатывавшаяся им на протяжении всей его исследовательской жизни теория русского литературного языка в самых разных ее направлениях и аспектах рассмотрения.

В отдельных идеях и положениях этой теории у В. В. Виноградова были прекрасные предшественники — его учитель А. А. Шахматов, фундаментально разработавший исторический аспект, Б. Гавранек, создавший теорию современного литературного языка, Н. С. Трубецкой, уже в середине 20-х годов в статье «Общеславянский элемент в русской культуре» обосновавший понятие русской национальной личности, разграничивший понятия народного и литературного языка в их отношении к разговорному языку и впервые выстроивший четкую схему исторического развития русского литературного языка с учетом культурологического аспекта [1, с. 98—119].

На этой базе В. В. Виноградов со свойственной ему энциклопедичностью, любовью к каждому отдельному явлению, уже неповторимой ныне широтой охвата единой филологической проблематики создает теорию литературного языка как дисциплину с определенным и многоаспектным объектом исследования, как целостный комплекс самостоятельных, но тесно взаимоувязанных направлений, объединенных разными гранями функционального подхода к литературному языку. Эти направления разрабатываются им в едином плане, в едином ключе, в нерасторжимости и цельности, питая и обогащая друг друга.

Можно назвать по крайней мере следующие направления этой теории, которые разрабатывались и после Виктора Владимировича вплоть до

настоящего времени, хотя и не всегда равномерно и с одинаковым успехом:

1. Соотношение национального и литературного языка.

2. Литературный язык и его состав. Принципы выделения разновидностей, установление характера их соотношения и взаимодействия. Понятие общелитературной основы разновидностей. Понятие функционального стиля как особого единства с определенной композицией, отбором и организацией языковых средств. Расхождения в современной русистике в выделении того или иного состава стилей имеют свои причины. Прежде всего это отсутствие единого основания для выделения разных стилей, недостаточный учет их собственно языковых характеристик и признание приоритета экстралингвистических факторов, разнородность разновидностей книжно-письменного и устно-литературного типов в составе и организации языковых средств. Не решен и вопрос о системном характере стиля и о наличии своего, специфического для каждого стиля, набора средств. Можно констатировать в связи с этим, что сейчас наблюдается кризис понятия функционального стиля.

Соотношение литературного языка как целого с языком художественной литературы — наиболее прямым, полным и ценным источником пополнения и обогащения состава средств литературного языка и с другими его разновидностями.

Иногда полагают, что главная линия этого направления — функциональная стилистика. Это и верно и неверно, потому что для ее выделения и разработки как самостоятельной дисциплины понадобилось вычленение и развитие других линий. Главная из них — характер и способы дифференциации литературного языка и отдельных языковых явлений при его функционировании. Если обратиться к современным славянским литературным языкам, то совокупность социальных, функциональных и территориальных факторов, определяющих возникновение разновидностей литературного языка, предстает неодинаково в разных языках — где-то сильнее оказывается первая группа, где-то вторая, где-то третья. В результате возникает сложное взаимодействие объективных и субъективных предпосылок, которым обязана своим конкретным обликом та или иная разновидность. Для теории русского литературного языка и сейчас остается актуальной и неотложной задача изучения их проявления и взаимодействия.

3. Общность коммуникативных задач в жизни языкового коллектива и тематические особенности общения, определяющие взаимодействие книжно-письменных и устно-разговорных разновидностей литературного языка. Взаимовлияние разновидностей в употреблении языковых средств, которому все они подвержены, но в разной степени и с неодинаковой направленностью влияний. Устно-разговорная разновидность, например, влияет на художественную речь, которая черпает в ней всё новые изобразительные и выразительные возможности, а сама подвергается обратному влиянию в значительно меньшей мере. Взаимовлияние письменной научной и деловой речи, с одной стороны, и разговорной — с другой, можно считать несуществующим, поскольку это лишь одностороннее влияние первой на вторую. Иное положение с парой публицистическая — разговорная речь, здесь налицо действительное взаимовлияние. Процессы взаимовлияний и однонаправленного воздействия дают материал для культурно-речевых дискуссий о «канцелярите», нормативном аспекте книжно-письменных и устно-разговорных особенностей, о языке художественной литературы.

4. Соотношение книжно-письменной и устно-разговорной сфер литературного языка с учетом исторического характера этого соотношения. Исторические условия формирования и развития русской письменности способствовали стабилизации книжно-письменных языковых средств, что вело к разъединению двух сфер в истории. Н. С. Трубецкой обратил внимание на выработку в книжном языке «особых строгих синтаксических оборотов, производство множества новых слов» [1, 104]. Раннее формирование литературного языка как языка, обслуживающего письменность, постоянные и все время различные формы взаимодействия церковнославянской и народно-разговорной стихий в истории развития русского литературного языка, самостоятельное развитие многих литературно-языковых явлений в лоне книжно-письменного типа, с одной стороны, и отдельное развитие общерусской разговорной стихии, с другой (на это тоже обратил внимание Н. С. Трубецкой), — все это обусловило правомерность начального изучения литературного языка прежде всего как языка письменности. Устные его формы оставались уделом занятий фольклористики и диалектологии. Лишь в самое недавнее время они стали осознаваться русистами как факты литературного языка. В связи с этим встает задача изучения характера обеспечения основных функций языка этими сферами.

5. Роль формы воплощения литературной речи в дифференциации литературного языка. Чешский лингвист Я. Хлоупек считает устную и письменную формы воплощения речи основными стилеобразующими факторами. Предстоит выяснить их соотношение с социолингвистическими и экстралингвистическими факторами и установить, в каких сферах и разновидностях русского литературного языка актуально действие каждого из них.

6. Роль и характер социальной стратификации литературного языка в его истории и современном состоянии.

7. Роль индивидуально-речевых и творческих факторов в развитии русского литературного языка и в современных процессах его изменения.

8. Соотношение русского литературного языка как системного образования и речевой деятельности коллектива говорящих. Осуществление задач речевой коммуникации и литературный язык.

9. Сопоставительные аспекты в изучении литературных языков, прежде всего славянских. Здесь следует выявить универсальные явления как следствие общих тенденций и общих психолингвистических закономерностей речевой деятельности.

10. Ретроспективный анализ стратификации русского литературного языка в предшествующие периоды его развития с учетом данных о современном составе его языковых средств. Разные аспекты литературного языка в его истории должны изучаться поэтапно.

К сожалению, исследовательское внимание к этим и, возможно, не названным здесь направлениям разработки теории русского литературного языка и в настоящее время распределяется неравномерно. Актуальность таких разработок не всегда сочетается с необходимой организационной поддержкой.

Не приходится специально оговаривать, что внимание к человеческому фактору в названных направлениях занимает отнюдь не периферийное положение. В большинстве трудов В. В. Виноградова так или иначе затрагиваются или специально разрабатываются и обосновываются различные вопросы литературного языка, языка художественной литературы в его отношении к литературному языку и к индивидуально-твор-

ческим особенностям отдельных писателей, языковой нормы и ее вариантов, стиля и стилистики, воздействия индивидуальных и коллективных речевых особенностей на литературный язык в его развитии и, конечно, соотношения в нем книжно-письменного и устно-разговорного начал. В разнотой связи и при рассмотрении разных вопросов В. В. Виноградов не уставал утверждать примат этого бинарного соотношения в общей картине дифференциации литературного языка. Это обстоятельство не всегда учитывается в современных функциональных стилистиках, особенно при выделении некоторого множества стилей. В трудах В. В. Виноградова все эти линии выстраиваются в стройную систему как взаимосвязь различного, но диалектически единого. Любой конкретный вопрос В. В. Виноградов представлял как часть единого целого, проводя его сквозь призму общей теории литературного языка, которая, в свою очередь, при этом обогащалась.

Обращаясь к трудам своих предшественников, В. В. Виноградов мог опереться на интерес к живому языку у А. А. Потебни, Ш. Балли, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского. При этом он неизменно обращал внимание на индивидуально-личностное в их трудах, которое у самого В. В. Виноградова как принцип исследования присутствовало во всем — от подробно разработанной им идеи образа автора при изучении языка художественной литературы до индивидуально-авторского стиля писателя, от идеи реального функционирования литературного языка до пристального внимания к индивидуальным речевым «неправильностям» при наблюдениях над живой современной речью.

Ю. В. Рождественский, говоря о том, как понимал В. В. Виноградов разные способы соотнесения собственно лингвистической и текстовой интерпретации литературного произведения в отечественной науке, писал, что, по В. В. Виноградову, «Потебня в противовес Шахматову видит в языке почти исключительно индивидуальное языковое творчество» [2]; «... никто из предшествующих исследователей русской грамматики не связал так тесно и прочно грамматические вопросы, вопросы языковой техники и речевого творчества с формами мышления и познания, как сам А. А. Потебня» [3, с. 331]. Однако диалектическое видение проблемы позволяет Виктору Владимировичу заметить, что «А. А. Потебня, придерживаясь... концепции речи как индивидуально-неповторимого акта духовного творчества, недооценивает коллективной системы значений слова в лексическом строе языка» [3, с. 336].

Индивидуальное речевое начало проявляется, по В. В. Виноградову, очень явственно в языке художественной литературы. Занимаясь языком разных писателей, он показал, что каждое произведение должно изучаться как «выразительный организм законченного смысла» (Б. Кроче), как индивидуально-неповторимая система стилистических соотношений [4, с. 16]. Результатом такого изучения должно стать открытие общих закономерностей исторической стилистики и языка художественной литературы как исторически целостного образования и самой художественной литературы. «...глубокое, детальное изучение индивидуальных стилей великих художников слова в их историческом движении помогает увидеть многое в воспитавшей их словесно-эстетический вкус предшествующей литературе и в перспективах ближайших поэтических задач будущего» [5, с. 7]. «Правда, — добавляет он тут же, — приемы и методы такого историко-динамического исследования индивидуальных стилей по отношению к художественной литературе XIX—XX вв. еще очень мало раскрыты и определены» [5, с. 8]. Это остается справедливым и по отноше-

нию к сегодняшнему состоянию изучения языка писателя. «Стиль, автор как создатель и представитель индивидуального стиля, структура литературного произведения — категории исторические» [5, с. 8]. Рассматриваем ли мы сейчас язык современной литературы как явление историческое?

Соединение индивидуальных и коллективных речевых усилий в едином процессе становления и развития литературного языка приводит к складыванию его неповторимого облика на каждом историческом этапе его развития. «Литературный язык — всегда результат коллективной творческой деятельности» [6, с. 288]. «...по отношению к национальному языку может быть выдвинут тезис об организующей и формирующей роли отдельных индивидуальностей» [6, с. 296]. Поэтому и художественная речь, нерасторжимо связанная с развитием литературного языка, должна изучаться во всех ее аспектах — общенациональном и общенародном, локальном, социальном и художественно-индивидуальном [7] — так же, как и любой вид литературной речи.

Так понимаемое значение индивидуально- и коллективно-творческого момента для структуры не только отдельного речевого акта, но и литературного языка как целостного образования позволяет Виктору Владимировичу разработать теорию языковых и речевых стилей, которая отличается глубоким своеобразием благодаря своей необезличенности, отчетливому осознанию соотнесенности стиля с субъектом речи, субъективной направленности стиля. Думается, что этот момент недостаточно учитывается в современных исследованиях функциональных стилей. «Изучение языка... пришло к сознанию важности и даже необходимости разграничения стилей языка (преимущественно в сфере литературно-языковой культуры народа), а в области многообразия общественно-речевой деятельности, особенно в эпоху национального развития — стилей речи или социально-речевых стилей. Чрезвычайно остро выдвигается проблема стиля, когда вообще возникает речь об индивидуальном словесном творчестве. Обычно говорится даже, что стиль — это сам человек, это — неповторимая индивидуальность» [8, с. 7]. «Понятие стиля является везде и проникает всюду, где складывается представление об индивидуальной или индивидуализированной системе средств выражения и изображения, выразительности и изобразительности, сопоставленной или противопоставленной другим однородным системам» [8, с. 8]. Здесь же В. В. Виноградов говорит об «обращении к языку (речи) и его диалектам и стилям как средству или даже как к форме выражения и отображения субъектов (народа, нации, класса, социальной группы, личности)» [8, с. 8].

Именно на этой базе складываются общезыковые закономерности, которые при объективной дифференциации литературного языка ведут к формированию крупных образований — стилей (ср. теорию Б. Гавранка, опубликованную в русском переводе в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» [9]). «Сразу бросается в глаза, что в понятии стиля обнаруживаются существенные различия, связанные с выделением объектно- или объективно-структурных качеств его системы или с описанием его субъективной направленности, соотнесенности его с субъектом, формой выражения внутренних индивидуальных свойств и творческих возможностей которого и является соответствующий стиль» [8, с. 8]. «Таким образом, в сфере изучения языка и его стиля обычно господствуют понятия, принципы и категории объектной (объективной) стилистики» [8, с. 10]. Стиль самого В. В. Виноградова, столь способствовавший становлению речевого стиля нашей лингвистики, одновременно высветляет ха-

рактерные черты его личности. Даже в только что приведенных цитатах игра парой *объектный* — *объективный* указывает на внимание к вариативным колебаниям в способах языкового выражения.

«Таким образом,— обобщает В. В. Виноградов,— стилистика речи должна включать в себя не только учение о формах и типах речи, о социально-речевых стилях или о типических тенденциях индивидуального речетворчества, но и учение о композиционных системах основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи» [10, с. 33].

Подробно освещать взгляды В. В. Виноградова на предмет функциональной стилистики мы здесь не будем¹. Тема нашего разговора — индивидуальное, личностное и коллективное в его теории стиля. В этой связи обращает на себя внимание его глубоко диалектический подход к выделению языковых и речевых стилей, которые разграничиваются не механистически, не абсолютивно, но имеют общие моменты в тех признаках, которые связаны с их композиционными особенностями. Ведь эти особенности могут носить как общезначимый, так и индивидуальный характер и потому отличать и стиль языка, и стиль речи. В. В. Виноградову было свойственно остро видеть все моменты взаимодействия, взаимопроникновения, диалектического смещения признаков и явлений. Он не устает подчеркивать смещения в языке в разные периоды его существования книжно-письменных и устно-разговорных явлений в той или иной его конкретике, смещения стилей. «Стилистика языка, или структурная стилистика,— пишет В. В. Виноградов,— описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как „системы систем“. Она изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка, характеризующихся комплексом типичных признаков» [10, с. 5]. Далее называются конкретные стили и тут же подчеркивается их неизолированный друг от друга характер: «Эти стили соотносительны. Они отчасти противопоставлены, но в значительно большей степени сопоставлены. Иногда они находятся в глубоком взаимодействии и даже смешении» [10, с. 6].

Даже давая наиболее полное, «классическое» определение стиля, В. В. Виноградов тут же подчеркивает условный характер этой категории, связанный с нечеткостью границ между отдельными стилями и их взаимопроникновением, а также их индивидуальным употреблением. Вот это наиболее известное определение: «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой. В индивидуальном употреблении границы стилей могут еще более резко смещаться, и один стиль может для достижения той или иной цели употребляться в функции другого» [12].

В работах Виктора Владимировича нет жестко устоявшейся терминологии для обозначения явлений стилистики. Это затрудняет понимание его идей современными исследователями функциональных стилей, но это

¹ Это сделано Д. Н. Шмелевым в его книге [11].

не недостаток теории, а ее глубоко принципиальная особенность. В различных, порой не повторяющихся в разных работах прилагательных-определениях к слову «стиль» проявляется понимание текучей, изменчивой, диалектической природы явления. На первый план выступает признак композиции, т. е. целенаправленного отбора и организации языковых средств. Как уже замечено выше, этот признак роднит стиль языка и стиль речи. Сам он неразрывно связан с творческой природой языка. Иногда В. В. Виноградов связывает его с тем, что он называет «жанром» речи, который он понимает скорее как стиль языка. «...на первый план исследования выступают способы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи и в разных композиционных системах, вызванных или кодифицированных общественной практикой — социально-групповой, производственно-профессиональной и т. д. Только такой подход и создает возможность построить стилистику речи на основе анализа форм общественной языковой практики. Именно в ней проявляется подлинная творческая природа языка, как ее определил Гумбольдт. При этом следует ориентироваться на две основных (по крайней мере в настоящее время) сферы общественной языковой практики — на сферу ограниченной коммуникации и сферу массовой коммуникации. ...Однако, перенося все эти проблемы в область стилистики, следует подчеркнуть, что стили речи — это прежде всего некие композиционные системы в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи.

На долю стилистики выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно обусловленными видами устной и письменной речи. Ведь такие композиционные формы современной устной речи, как, например, выступление в дискуссии, лекция, консультация, пресс-конференция, доклад, беседа с той или иной аудиторией и т. п., обычно строятся на многообразном чередовании и смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка» [с. 10, с. 14—15].

Здесь Виктор Владимирович вплотную подошел к постулированию необходимости выявления и введения в научный оборот устно-разговорного, устно-литературного языкового материала. Но в полный рост эта задача встала лишь во второй половине 60-х годов. Чтобы понять такую логику развития науки о литературном языке, необходимо вспомнить некоторые факты истории русского языкознания.

В 30-е годы развитию теории литературного языка способствовала ситуация языкового строительства и разработки письменности для ранее бесписьменных языков. Поэтому в центре внимания оказывалась книжно-письменная речь. Бурный всплеск идей Пражского лингвистического кружка в конце 20-х — начале 30-х годов, многие из которых брали свое начало на русской почве, способствовал направлению исследовательского внимания на определение особенностей ее функционирования. Именно тогда были выявлены и охарактеризованы основные функции литературного языка.

В 50-е годы на фоне расцвета диалектологии акцент переместился на вопросы соотношения национального и литературного языка. Применительно к русскому литературному языку это означало еще и учет фактора его распространения, территориальной дифференциации. Возник вопрос о городском просторечии, о региональных вариантах литературного языка, который не решен до сих пор. Этот вопрос ставился, например, на заседании Комиссии по славянским литературным языкам (Братислава,

1971 г.) и на VIII Международном съезде славистов (Загреб — Любляна, сентябрь, 1978 г.). Было обращено внимание на наличие кодифицированных и некодифицированных региональных вариантов в связи с общей проблемой вариативности литературного языка. Применительно к русскому языку это означает прежде всего необходимость выявления и описания несомненных фонетических различий, обусловленных диалектным окружением, которые проникают в дикторскую речь местного телевидения и радиовещания. Эти различия типизируются, обобщаются и становятся приметой местного литературного произношения. В том, что это приметы именно литературного произношения, убеждает само функционирование регионального варианта: ведь он выполняет многие функции стандартного литературного языка, прежде всего культурную — это речь массовой коммуникации, официальная речь, театральная речь. Например, в Белоруссии в русской телевизионной речи последовательно звучат *ч* и *ш* твердые в соответствии с московским *ч'* и *ш'*. В Воронеже (южно-русский вариант) не оглушаются звонкие перед гласными и сонорными на стыке слов (*вряд ли, начав отступление*), в связи с чем и *й* не утрачивает своего верхнеязычного характера и звучит в заударной позиции как литературный *й* перед ударным гласным (*в нашей области, в самой экскурсии, конец нашей экскурсии, полной автоматизации, быстрей уходите, сороковой армии, нанесли большой урон, развитой электропромышленности, мощный электроламповый завод* и под. — в словосочетаниях не только общелитературного, но и книжно-письменного характера), иное по сравнению с литературным стандартом количественное соотношение гласных ударного и заударного слогов (*области, эта песня* соответственно московскому *облѣсти, этѣ песня* и под.).

В 50—60-х годах на повестку дня встало выявление самой структуры литературного языка, конкретных его составляющих. Стало ясно, что литературный язык, представленный текстами неодинакового функционального назначения, варьируется в их материальном составе. Был поставлен вопрос о том, насколько композиционно-языковая вариативность отдельных текстов способна повлиять на стабилизацию достаточно крупных и структурно четко организованных вариантов (разновидностей) литературного языка. Вместе с вниманием к собственно языковым характеристикам текстов той или иной функциональной направленности пришлось обследовать факторы, связанные с проявлением говорящего (пишущего) субъекта и коллектива в сообществе носителей языка, особенности адресата и адресата речи, т. е. личностные и социальные факторы. Вся теория функциональных стилей, все — может быть, и гипертрофированное — ее внимание к экстралингвистике основаны на выявлении взаимодействия системы языка и социальных и личностных факторов порождения и восприятия речи. В работах В. В. Виноградова этого периода постоянно подчеркивается необходимость изучения индивидуальных стилей в системе русской художественной литературы в связи с развитием литературного языка. Он даже говорил о роли личности в формировании национально-литературных языков [13, 83].

В эту же орбиту вовлекаются понятия нормы и узуса. «Основными признаками национального литературного языка, — писал В. В. Виноградов, — являются его тенденция к всенародности или общенародности (опять использование в формулировках синонимов-вариантов! — Л. О.) и нормативность. Понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговор-

ной форме)» [6, с. 295]; ср. также [14]. Последняя оговорка особенно важна, так как она ставит вопрос о существовании особых норм в устно-литературной и обиходно-разговорной речи, что до сих пор не исследовано окончательно и не вводится не только в лингвистическую теорию, но и в практику — например, в преподавание русского языка как неродного (против обучения иностранцев разговорной речи, несмотря на все более усиливающийся интерес к ней во всех регионах мира, выдвигается в качестве аргумента ненормативный характер разговорных явлений). В это время ставятся вопросы о соотношении общелитературных и внутрителивых норм, о разном характере вариативности тех и других. Выявляются, хотя и эпизодически, факты влияния функционального расслоения литературного языка на его грамматику в области как книжно-письменной, так и устно-разговорной речи. При всем многообразии расслоения литературного языка на стилиевые и жанровые образования именно эти области благодаря идеям В. В. Виноградова начинают осознаваться как ведущие для общего расчленения литературного языка, которое, таким образом, вновь понимается как бинарное. «Литературный язык, — пишет В. В. Виноградов, — общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной. Вот почему различаются книжно-письменная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействия которых подчинены определенным закономерностям» [6, с. 288]. В связи с этой идеей отношение исследователей к более мелким образованиям в пределах литературного языка вылилось в выявление их специфических характеристик при осознании их недискретного характера. Ю. М. Скребнев прямо говорит о принципиально неконечном числе стилей из-за конвенционального, а не реального характера этого понятия [15].

Теперь ясно, почему осознание научной общественностью необходимости выявления, актуализации, описания, осмысления и введения в научный оборот принципиально нового для русистики языкового материала — живого разговорного — приходится именно на вторую половину 60-х годов. Вспоминается поставленная еще в 20-х годах Б. А. Лариним задача исследования современной устной речи городского населения, варьирующейся по областям и культурным слоям [16]. Но только в 60-х годах накапливается материал, ранее не входивший в исследовательский фундамент науки о русском языке. Первоначально внимание исследователей было обращено на разговорную речь как наиболее специфическое воплощение устной литературной речи. Еще позже, лишь в 70-х годах, этот материал стал расширяться в сторону других образований в пределах устной литературной речи (например, радио- и телеречи, речи публичных выступлений), хотя в трудах В. В. Виноградова уже в 60-х годах постулировано полное и недвусмысленное понимание этой задачи и самого предмета.

В работах В. В. Виноградова последнего периода его деятельности привлекают внимание следующие моменты. Во-первых, соотношение книжно-письменной и устно-разговорной стихий он считал определяющим фактором развития русского литературного языка во все эпохи его существования, в том числе и в нашей современности. Он отчетливо видел, что разговорная речь — кузница языковых изменений, т. е. арена действия

человеческого фактора в языке. Поэтому идея историзма пронизывала не только собственно исторические его работы, но и труды по современному русскому литературному языку. Это позволяло ему всегда увязывать изучение разговорной речи с изучением структуры литературного языка в целом. «Изучение литературного языка, как бы его ни понимать, влечет за собой изучение таких явлений, как „диалекты“, „жаргоны“, с одной стороны, „разговорный язык“, „письменный язык“, — с другой, языковой, речевой и литературный стиль — с третьей» [6, с. 288]. При этом как особая и насущная задача выделяется «...задача, которая относится вообще к практическим вопросам культуры русского языка, — это изучение аномалий и неправильностей бытовой речи» [17]. Как их изучать? В. В. Виноградов наметил целую программу и разработал ее организационно. «Картотека живой разговорной речи, — писал он, — накопленная Сектором современного русского языка и культуры речи в Институте русского языка АН СССР, должна непрестанно пополняться и систематически обрабатываться...

Кроме того, организация и оборудование экспериментально-фонетической лаборатории при Институте русского языка будут способствовать расширению исследований звучащей речи. Экспериментально-фонетические исследования в области изучения русского и других языков с их диалектами ...должны развертываться по трем направлениям: ...3) составление фонотеки, т. е. систематизированного собрания образцов языка в инструментальной записи, воспроизводящей звучание речи. ...изучение „говорения“, стихии живой речи со всеми ее „случайностями“, в ее стилистическом и пр. разнообразии, где типичное „системное“, нередко смешано с элементами других „систем“, а „языковое“, кроме того, с „неязыковым“, если иметь в виду физиологические и другие явления — „спутники“ речи, дает новый свежий материал для более точного и глубокого понимания отношений между фонетикой и фонологией.

Длительность периода, в течение которого разрабатывались преимущественно „системные“ фонологические проблемы — без обращения к натурально наблюдаемой форме существования языка — к „говорению“, а также значительное влияние концепций, стремящихся к рассмотрению сущности „знака“ независимо от его значения, в свое время привели к тому, что для многих кругов языковедов фонетика живой речи как „говорения“ оказалась чуть ли не за пределами объекта изучения языкознания, основным предметом которого должна быть якобы только „система“ языка, понимаемая при этом не вполне конкретно» [18].

Здесь же называется новая исследовательская проблема — «Русский язык и советское общество». Эта развернутая программа, в которой сейчас особенно важно подчеркнуть разграничение системного, типического и окказионального в разговорных фонетических явлениях, несомненно, с легкостью экстраполируется на другие уровни живой речи. Выполнена эта задача, несмотря на бурное развитие «коллоквиалистики» в 60—70-х годах, лишь частично. Еще не вышел в свет частотный словарь разговорной речи, картотека ИРЯ не стала исследовательским центром для широкого, массивного изучения разговорной речи и целенаправленной работы аспирантов и научных стажеров; картотеки и фонотеки, собранные вне ИРЯ (Г. Г. Инфантовой, О. Б. Сиротининой и ее коллегами, Ю. Г. Овсиенко, а за рубежом — кафедрой русского языка Карлова университета и др.), не централизованы и практически недоступны; в Институте русского языка им. А. С. Пушкина такие коллекции не собираются.

Во-вторых, В. В. Виноградов впервые поставил задачу тщательного

изучения «олитературенной» разговорной речи в художественном тексте. До его работ (особенно [10]) этот момент не принимался во внимание, и разговорные элементы в языке писателя отождествлялись с живым явлением.

В-третьих, он первым обратился к необходимости столь же скрупулезного, как и разговорной речи, изучения (а прежде — накопления материалов) речи устного публичного общения. Еще в 1963 г. в передовой статье писалось: «Недостатком в деятельности Института русского языка является то, что он не оказывает должного воздействия на общественную языковую практику. В институте не поставлено широко изучение языка массовой коммуникации» [19]. В свете понимания структуры современного русского литературного языка как целого вычленяется, таким образом, устная литературная речь как особое образование, на арене которого происходит многообразное чередование или смешение, взаимопроникновение элементов разговорного и книжного языка [10, с. 15].

Уже в статье 1961 г. можно прочесть, что языковеды оказались «...перед новой проблемой: перед проблемой речи. Дело идет не о „речи“ в сословном понимании этой категории, а о речи как особой форме языкового выражения. Массовая коммуникация заставила видеть речь устную и письменную в плане, отнюдь не совпадающем с категориями языка разговорного и „литературного“ или „письменного“. Наряду с общей проблемой „речи“ встала проблема языкового стиля как системы различных норм языкового выражения, специфических для тех или иных целей: познавательных, коммуникативных, художественно-творческих, агитационно-пропагандистских и всяких прочих — во всей собственной сложности каждой из них и в их самом прихотливом переплетении и вхождении друг в друга. Очень большие шаги в изучении существа этой второй проблемы у нас сделаны. Сделан серьезный шаг и по пути решения первой» [20]. Здесь четко выражена мысль о решающем значении разграничения устной и письменной форм воплощения речи для дифференциации средств языкового выражения. Эта мысль получила дальнейшее развитие лишь у немногих теоретиков литературного языка (назову К. А. Долинина и Б. М. Гаспарова). Приходится с сожалением констатировать, что прозорливое видение В. В. Виноградовым перспективной и насущной научной проблематики по отношению к устной литературной речи в целом и ее публичным разновидностям в частности не было оценено и подхвачено русистами в последующие 25 лет. Этот тип литературной речи так и остается неизученным (один из немногих опытов — коллективная монография [21]). А ведь Виктор Владимирович прямо говорил, что следует ориентироваться «на две основных (по крайней мере в настоящее время) сферы общественной языковой практики — на сферу ограниченной коммуникации и сферу массовой коммуникации» [10, с. 14].

В 1962 г. разветвляется еще одна подробная программа изучения речевого многообразия: «...чрезвычайно существенным является изучение развития современного русского национального языка во всем его речевом многообразии: 1) развитие современного русского литературного языка после Великой Октябрьской социалистической революции (изменения в лексике, фразеологии, морфологии, синтаксисе и стилистике в условиях развития советского общества) (эта задача в известной мере выполнена монографией „Русский язык и советское общество“. — Л. О.); 2) развитие живой русской речи в разных сферах общения (коммуникации): бытовой, общественной (эта задача частично выполнена в первой части и не выпол-

нена во второй.— Л. О.); 3) процессы развития живого разговорного языка: а) в старых русских городских центрах в условиях компактного однородного диалектного окружения; б) в старых городских центрах в условиях родственно-языкового окружения (например, в городах Украины и Белоруссии); в) в старых городских центрах в условиях иноязычного окружения (например, в городах Грузии, Азербайджана, Средней Азии); г) в новых городах со сложившейся традицией двух-трех поколений (например, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск) и во вновь созданных (например, Братск); д) в новых массовых поселениях совхозных хозяйств (например, в Целиноградском крае) (эта задача — изучение региональных вариантов — не выполнена.— Л. О.); 4) современная реалистическая художественная литература как материал и источник для изучения процессов развития живой разговорной речи (эта задача выполнена лишь в малой части.— Л. О.); 5) процессы развития русского национального языка и его стилистики, отраженные в „деловой“ письменной и устной речи (газетной, публицистической, ораторской, судебной и т. п.); 6) стилистические разновидности и стилистические средства современного русского национально-литературного языка; 7) проблемы нормализации современного русского литературного языка; 8) вопросы повышения культуры речи на основе изучения закономерностей развития национального русского языка» [22].

Думается, что исследовательским невниманием к первым четырем пунктам этой программы, их преимущественной невыполненностью можно объяснить нынешний кризис понятия функционального стиля. Если снова вернуться к пониманию стиля в трудах В. В. Виноградова, то обращает на себя внимание уже отмеченное выше отнюдь не случайное обстоятельство, что он получает здесь весьма неоднозначное определение. Виктор Владимирович называет стили композиционными системами, конструктивными разновидностями, говорит о поливалентности национального литературного языка, т. е. об охвате им разных областей общественно-речевой практики, которая во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития, о том, что языковой стиль — это система различных форм языкового выражения, специфических для тех или иных целей. Создается впечатление, что уже здесь заложено предчувствие будущего кризиса, понимание того обстоятельства, что одномерной противопоставленности в стилях нет ни в собственно структурно-языковом, ни в экстралингвистическом отношении. Единственная реальность — различные соотношения языковых элементов в «стилях», полное выявление которой и требует осуществления поставленных в программе задач. Идея возникающих в литературном языке синонимических рядов как линии функциональной дифференциации литературного языка заложена в работе [10,] где В. В. Виноградов говорит о том, что внутренняя дифференциация языковых стилей может осуществляться на основе структурных или конструктивных противопоставлений и соотношений между частными системами выражения внутри единой структуры языка (такова, например, синонимия парадигматических форм, синонимия в кругу форм словосочетаний и предложений, синонимия слов и фраз и т. п.) [10, с. 71]. (Далее следует отсылка к идее Л. В. Щербы о возможности моделирования литературного языка в виде концентрических кругов.)

Представляется перспективным поиск путей вхождения разных групп средств — книжно-письменных, устно-разговорных и общелитературных — в такие синонимические ряды, установление самих рядов, ограничений, которые накладывают структурные и экстралингвистические об-

стоятельства на возможность вхождения в ряды различных разрядов языковых средств. Особая роль здесь принадлежит синтаксису. Предстоит выявить ряды и квалифицировать их члены со стороны семантики и функциональной принадлежности. Результатом может явиться построение реально функционирующей грамматики литературного языка с учетом всех выявленных соотношений в письменной и устной формах его существования, которая сможет моделировать литературный язык в его динамике (в дополнение к существующим статическим описаниям).

Конечно, стили выделяются и по выполняемым функциям. Предлагаемый подход не отрицает, а дополняет в другом аспекте выявление функциональной дифференциации литературного языка. В. В. Виноградов писал: «Эти стили обычно называются функциональными, например, разговорный, противопоставленный книжному вообще и отграниченный от других стилей языка коммуникативно-бытовой функцией, поэтому в этой сфере иногда выделяются обиходно-бытовой и обиходно-деловой стили; научно-деловой, специальный, определяющийся своеобразными свойствами и принадлежностями научно-коммуникативной функции; газетно-или журнально-публицистический, выделяющийся по характерным качествам и приметам агитационно-коммуникативной функции; официально-канцелярский или официально-документальный и некоторые другие (например, парадно-риторический, художественно-изобразительный). Можно — в связи с различиями понимания основных функций языка — представить и иное соотношение стилей. При выделении таких важнейших общественных функций языка, как *общение, сообщение и воздействие*, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [10, с. 6]. Задача заключается в том, чтобы для этих и других возможных образований выявить реальные способы соотношения книжно-письменных, устно-разговорных и общелитературных средств в их составе и на этой основе выстроить ряды.

Так понимаемое действие различных факторов дифференциации литературного языка, принципов градуирования его разновидностей дало возможность воссоздать целостную систему литературного языка с учетом индивидуально-творческих и субъективных моментов, которые позволяют этой системе быть динамической, исторически изменчивой. В 70-е годы мысли В. В. Виноградова получили плодотворное развитие в деятельности Международной комиссии по славянским литературным языкам. Труды ее участников много способствовали разработке теории литературного языка и выявили линии сопоставительных и типологических исследований в этой области. Ставились вопросы границ литературного языка, особенно в его устной форме, нормы и ее вариантов, систематики и классификации функциональных стилей, соотношения стандартного языка и региональных вариантов, соотношения статуса устно-повседневной речи с социальной, массовой и групповой коммуникациями, отграничения явлений системных от речевых, аспектов структурных от функциональных. Особенно большой вклад в работу Комиссии внесли А. Едличка и ныне покойный Вл. Барнет.

Противопоставляя и сопоставляя объективные и субъективные стили, В. В. Виноградов не устал подчеркивать все значение действия индивидуально-речевого фактора в формировании стиля, где субъективно-речевые моменты преобразуются в объективно-языковые. Это касается и

языка художественной литературы (ср.: «...каждое из созданий поэта должно предстать с стилистической точки зрения, как „выразительный организм законченного смысла“ (Б. Кроче), как индивидуальное неповторимая система стилистических соотношений» [4, с. 287]); «Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об организующей и формирующей роли отдельных индивидуальностей» [6, с. 296]; ср. также [5, с. 7—8] и другие уже цитировавшиеся места из работ [8, с. 7—8; 10, с. 33; 13, с. 83]), и определения самого предмета стилистики как выявления взаимодействия соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка [10, с. 5]. В последнем определении особенно важна совсем еще исследовательски не воплощенная мысль о соотносительных рядах.

Таким образом, труды В. В. Виноградова создали прочную базу для выявления характера воздействия социальных и личностных факторов речи на функциональную дифференциацию литературного языка. Следует заметить, что в современной функциональной стилистике первоочередное внимание при выделении функциональных стилей уделяется экстралингвистическим факторам, носящим и личностный, и внеличностный характер. Эти факторы далеко не всегда согласуются и непосредственно соотносятся с собственно языковыми особенностями функциональных разновидностей. Они не находятся с ними в одно-однозначных соответствиях. Одни и те же экстралингвистические факторы могут быть с равным успехом отнесены к разным функциональным разновидностям (например, такие всем привычные качества научной речи, как точность, последовательность, логичность, краткость, насыщенность информацией, в равной степени свойственны и деловой речи). И наоборот — изменение такого фактора может и не повести к изменению функциональной разновидности (например, в устно-разговорной речи фактор темы может варьироваться практически без ограничений). Поэтому первоочередной задачей является установление соотношенности языковых средств книжно-письменного, общелитературного и устно-разговорного характера (а также некоторого ряда специфических для каждой разновидности средств) в функциональных разновидностях литературного языка и разработка их типологии.

Не менее важно разработать и типологию языковых функций и экстралингвистических факторов, на которые отзываются языковые средства в своих функционально-композиционных группировках. Отзываются они также и на форму осуществления речи (устную или письменную), и на вид речи (диалогический или монологический). Функциональная разновидность возникает как результат взаимодействия той или иной комбинации функций и факторов, которые могут быть постоянно действующими или варьирующимися.

Группы факторов, влияющих на отбор и организацию языковых средств, могут быть трех видов: функциональные (выполняемая функция, первичный для нее вид речевой деятельности — говорение, письмо и соответственно преимущественная форма осуществления текста как речевого произведения — устная или письменная, преимущественный вид речи — диалогический или монологический); экстралингвистические (тема сообщения, ситуация общения, а также социальная дифференциация коллектива говорящих); индивидуально- и социально-личностные (пары: говорящий — слушающий, пишущий — читающий, адресант — адресат — ср. идею грамматики говорящего и слушающего). Соотношение «носитель языка — язык», понимаемое в плане воздействия речи на языковую систе-

му, особенно остро реагирует на третью группу факторов. Адресат речи важен для осуществления функции воздействия, ситуативный фактор — для устно-разговорной разновидности, тематический — для книжно-письменной.

Если попытаться соотнести названные факторы дифференциации литературного языка (и соответственно — выбираемых языковых средств) с его разновидностями, то получится такая схема:

От разновидности:

Книжно-письменная сфера: художественная речь — множественность тематических циклов, но преимущественно эстетически значимые темы, релевантность письменной формы речи, нерелевантность ситуации протекания речи, представленность и диалогического, и монологического видов речи, функция эстетическая. Деловая речь — однородность тематического фактора (юридически важные темы), релевантность преимущественно письменной формы речи, нерелевантность ситуативного фактора, представленность монологического вида речи, функция информативная. Научная речь — однородность тематического фактора (познавательные важные темы), остальное как у деловой речи. Общественно-политическая и публицистическая речь — множественность тематических циклов (общественно значимые темы), релевантность письменной формы, нерелевантность ситуативного фактора, представленность обоих видов речи и сразу трех функций — информативной, воздействия и эстетической.

Устно-разговорная сфера: обиходно-разговорная речь — практически любой тематический цикл, т. е. нерелевантность фактора темы, естественно, релевантность устной формы речи, релевантность ситуативных условий протекания речи, представленность обоих видов речи и всех четырех функций, т. е. нерелевантность фактора функции (но все же с преобладанием функции общения). Устная публичная речь — интеллектуализированные и общественно значимые темы, релевантность устной формы и ситуативного фактора (при коллективной коммуникации), преимущественная представленность монологического вида, представленность всех четырех функций при преобладании функции сообщения.

От фактора:

Фактор темы важен для всех разновидностей, за исключением разговорной речи (хотя для нее можно отметить преобладание бытовых тем). В то же время наблюдается неодинаковая степень однородности тематических циклов по разновидностям.

Ситуативный фактор важен для устных разновидностей и нерелевантен для письменных.

Фактор формы речи важен для всех разновидностей.

Фактор вида речи нерелевантен для двух письменных разновидностей (публицистическая и художественная речь) и обеих устных (т. е. там, где представлена функция воздействия) и релевантен для двух письменных (научная и деловая речь).

Фактор адресанта — адресата речи релевантен там, где представлена функция воздействия.

Функции по разновидностям представлены так: информативная — речь научная, деловая, публицистическая, обиходно-разговорная, устная публичная; коммуникативная — речь обиходно-бытовая, устная публичная; воздействия и эстетическая — речь художественная, публицистическая, обиходно-разговорная, устная публичная, т. е. практически одни и те же разновидности.

Все факторы — функциональные, экстралингвистические, индивиду-

альные, а также социальные и личностные — взаимосвязаны, т. к. служат коммуникации.

Системная организация средств литературного языка реагирует на действие этих факторов, объединяемых в группы. Названные разряды языковых средств в зависимости от совокупного проявления факторов выстраиваются в различные соотношения и комбинации. При этом следует иметь в виду, что если книжно-письменные, устно-литературные и специфические для каждой разновидности средства распределяются в разновидностях по-разному, то общелитературные, которые должны были бы присутствовать в каждой разновидности, практически входят в них тоже с теми или иными ограничениями, складывающимися в узусе.

Узуальная организация языковых средств реагирует на действие факторов посредством реальной частотности употребляемых элементов. Именно по пути выявления наиболее распространенных средств пошло у нас, например, изучение научной и разговорной речи.

Нормативная организация откликается на них складыванием иерархии норм, которые реагируют на принцип «коммуникативной целесообразности». Общелитературные нормы кодифицированы, нормы отдельных функциональных разновидностей — зачастую нет. Тем не менее при организации каждого конкретного текста взаимодействуют обе системы норм.

Слишком огрубленное понятие функционального стиля не вмещает в себя сложную организацию и взаимодействие названных факторов и групп языковых средств. Предложенную схему можно было бы разработать и более подробно, указывая, например, на различия в характере того или иного фактора (скажем, адресанта и адресата) в разговорной и устной публичной речи и т. п. Понятие функционального стиля не имеет единых оснований для применения в каждом отдельном случае и не реагирует на совпадение функций. Оно нацелено на установление границ и постулирование дискретного характера объекта, в то время как он непрерывен и диффузен, что очень отчетливо видел В. В. Виноградов. Недаром Вл. Барнет говорил не о функциональных стилях, но о цельнооформленных жанровых реализациях, проявляющихся в текстах речевых произведений и способных адекватно отражать динамизм языковой жизни общества [23]. При этом русский литературный язык рассматривается в качестве языкового континуума, в котором наряду со структурированными образованиями представлены и образования лишь коммуникативно-функционального характера [23].

В. В. Виноградов четверть века тому назад наметил четкую перспективу развития теории литературного языка. Она очень созвучна нашему времени своим демократизмом и гуманистическим звучанием. На повестке дня — исследовательское воплощение основных ее идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н. И. Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.
2. Рождественский Ю. О работах академика В. В. Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 19.
3. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.
4. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдение над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. I. Пг., 1923. С. 16.

5. *Виноградов В. В.* Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование. М., 1963.
6. *Виноградов В. В.* Литературный язык // Виноградов В. В. Избр. тр. История русского литературного языка М., 1978.
7. *Толстой Н. И.* Взгляды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературных языков // Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 9.
8. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
9. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
10. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
11. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977.
12. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. 1955. № 1. С. 73.
13. *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.
14. *Виноградов В. В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 26.
15. *Скребнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 28—31.
16. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь. Нов. сер. III. Л., 1928.
17. *Виноградов В. В.* XXII съезд КПСС и задачи филологической науки. ИАН ОЛЯ. 1962. Вып. 1. С. 8.
18. XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1959. № 3. С. 5—6.
19. ВЯ. 1963. № 2. С. 6 (Передовая).
20. Языкознание и советское общество // ВЯ. 1961. № 5. С. 5.
21. Современная русская устная научная речь. I: Общие свойства и фонетические особенности / Под. ред. Лаптевой О. А. Красноярск, 1985.
22. XXII съезд КПСС и задачи изучения закономерностей развития современных национальных языков Советского Союза // ВЯ. 1962. № 1. С. 8.
23. *Барнет Вл.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная устная научная речь. Т. I. С. 80—84, 87, 93.